

Иоланта Сержантова

Обыкновение

Иоланта Сержантова

Обыкновение

<https://litres.ru/73923528>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-00279-154-5

Аннотация

Сборник рассказов, эссе и новелл. Автор пишет о вечном. О любви к Родине через любовь к природе. Рекомендуется для внеклассного чтения.

Содержание

На глазок	4
Серёжа	7
Поступь зимы	10
Бабочка	12
Ухватив покрепче...	14
Когда-нибудь...	16
После	18
В оправе кроны	20
Праздник жизни	22
Всё будет хорошо...	24
Побег	26
Не отстать от жизни	28
Удовольствия	30
Когда-нибудь...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иоланта Сержантова

Обыкновение

На глазок

Если бы стало кому занятно расспросить у меня про бабушку, чем она, собственно отличалась от других, то первое, что пришло бы на ум - не умение печь пироги с капустой, от одного запаха которых глаза будто затягивало масляной плёнкой, так что человек делался вроде бы не в себе, а в ум входил уже чересчур сытым, минуя приличие – откинувшись на спинку кресла, с расстёгнутыми пуговками жилета или расслабленным пояском, да к тому же - едва способным рассуждать о чём-либо, кроме как «об умном» или о политике.

И чего только бабушка не умела. Всякое дело льнуло к ней. Любой цветок старался поскорее подрасти и распустить бутон, дабы коснуться бабушки поутру. Да что там говорить, коли самый обыкновенный отрез невзрачного ситца, либо драпа в её руках немел от счастья быть раскрытым и облечь неказистую от рождения фигуру любой дамы так, как умела только бабушка - манкируя природными недостатками.

Помнится, бегло сличив облик заказчицы с принесённой

тканью, бабушка любовно разглаживала отрез, будто успокаивая его, и кроила без лекала, мыла и мела, на глазок. Бывало, что новенькие заказчицы охали, завидев такое дело. Достать отрез в те годы было удачей, а бабушка без колебаний и верной рукой с занесённой в ней огромными портняжными ножницами, отсекала лишнее. Без пиетета и причитаний.

Я обожал наблюдать за бабушкой в такие минуты, и всякий раз про себя ухмылялся на проходящих дам. Дождавшись же, покуда бабушка докроит, не забывал похвалить её особенным манером:

– Мы также снежинки с тобой вырезаем, правда, ба?!

– Правда! – улыбалась в ответ бабушка и требовала вдеть нитку в иглу. – Глаза уже не те... – обращаясь к заказчице, добавляла бабушка. – Сейчас наживлю, примерим на вас, а завтра заберёте.

– Завтра?!?! - изумлялась дама.

– Нужно сегодня? – интересовалась бабушка лукаво.

– Нет-нет! – отчего-то пугалась дама и объясняла, что ей говорили, будто бабушка скоро делает, но не верилось, что это в самом деле так.

Бабушка к тому времени, с ловкостью фокусника, уже заканчивала наживлять выкроенное и тянулась примерить на даму, ибо торопилась. Заказчица продолжала изумляться, а я лишь улыбался, отлично понимая, отчего такая спешка.

Моя дорогая и любимая бабуля старалась поскорее закончить любое занятие только для того, чтобы сесть, наконец, в

дедушкино кресло и продолжить читать новую книгу.

Я часто сопровождал её в библиотеку и помогал тащить набитую книгами сумку. Причём, мы возвращали тома на полки читальни не только прочитанными, но подклеенными и с закладкой промеж страниц, для будущих читателей, которые, судя по нашему с бабушкой опыту, не церемонились и даже могли сподобиться насыпать или наплевать в книгу подсолнечной шелухой, вымарав не одну строчку из повествования, а то и вовсе - вырвав кусок.

Когда наступало затишье промеж домашних и прочих дел и бабушка усаживалась читать, оставалась, всё же, ещё одна помеха сему приятному времяпровождению. В моём лице, разумеется. Отвлекая бабушку от чтения, я задавал ей вопросы обо всём на свете, а она, попридержав строчку ноготком, дабы та не улизнула сверчком под плинтус корешка, оборачивалась ответить.

И ведь не накричала ни разу, не нахмурилась, не потребовала отстать. Бабушка отвечала подробно и обстоятельно, без недоговорок и околичностей, по сути и по правде.

Спустя более полувека, я понимаю, почему бабушка была столь терпелива со мной. Она обладала главным умением, которое, как водится, выпадает на долю не всякого. Имеется в виду то, самое трудное умение любить человека таким, каков он есть, не перекраивая по чужим и собственным лекалам, а прямо так - всего, целиком, прикинув его ценность на глазок.

Серёжа

*«Давай так договоримся, если, не дай Бог что, -
я его усыновлю, но пока не будем об этом.*

Я очень надеюсь, что этого не понадобится.»

(Из личной переписки автора)

Когда это случилось, сердце дало знать о том тем, что затихло. В очередной раз напугав неизбежностью конечности и бесконечными, безысходными мгновениями скорбного молчания. Того, что не длиннее судьбы, и не короче приличия. А после - сердце стало жить дальше. С болью и перебоями, в попытках залатать образовавшуюся брешь, что не просто. Ибо не наловчилось покуда человечество обходится без упований на будущее. А кто, как не дети, продолжая людской род, - олицетворение надежды. Той самой, от которой так легкомысленно отрекаемся в юности, а позже, как уже надорвёмся тою лёгкостью, с надрывным же чаянием обустроиваем немалую долю участи в расчёте только на него. Иначе же... иначе всё напрасно! Ни для чего.

...Он был поздним, единственным, долгожданным, болезненным и болезненно любимым ребёнком. Когда был малышом, взрослые раздумывали, как защитить его, в случае чего.

– Что станет с ним, если не станет нас? – металась мать,

и подруга клятвенно обещала перехватить мальчишку, как знамя, «в случае чего».

– У него и квартира будет и дом... – продолжала уговаривать беспокойная мать, а подруга злилась, «на все эти глупости» и убеждала, что возьмёт мальчика просто так, одного, без «участка и надворных построек». Из любви и верности, из дружеского расположения. Да просто потому, что иначе – никак нельзя!!!

К счастью, мальчишка вырос дома.

В будни учился и помогал по хозяйству, праздники проводил сперва с родителями, а потом и с друзьями, но в День Победы всегда сопровождал отца к мемориалу в Кинель, поклониться тётке Прасковье, потерявшей в Великую Отечественную девятерых сыновей, и не выдержавшую этого горя1.

Надо ли говорить, что весь путь домой парнишка втолковывал отцу про то, что случись что, он не будет отсиживаться за спинами немолодых родителей... Будто готовил их к грядущему, будто бы знал.

И... когда пробил его час, оставив поседевших в одночасье отца и мать, мальчишка встал на защиту Отечества.

Он был одним из немногих, встретивших рассвет 1 января 2023 в полной боевой готовности после обстрела Макеевки. Он же был командиром танка, выжившим после прямого попадания ракеты, а когда, после очередного ранения, не смог вернуться в танковые войска, сумел приручить «птич-

ку», и спасал жизни, спас немало, да и делал бы это по сей день, если бы в конце прошлого декабря дверь Вечности не скрипнула, приглашая его войти...

Когда иные беззаботно режут лезвиями коньков лёд, никуда не торопясь расчерчивают лесные поляны лыжнёй, сидят, приобняв подругу, в кино или просто - вдыхают свежий тихий вечер через приоткрытое окно... мне представляется, как он, невысокий и некрепкий, сгибался под тяжестью рюкзака размером едва ли не в половину своего роста, прокладывая тропу до передовой. Каждый день. Каждый Божий день.

После того, как... Новый Год перестал быть праздником. Не знаю, что может заставить полюбить его вновь, кроме Победы, что несут в рюкзаках за спиной дети, которых нам было не дано усыновить.

Поступь зимы

Дверь тихо стукнула, накрученная струной на колки мороза, скрипнула половица порога и олень, возмущённый вторжением в свою частную жизнь, бросился наутёк со двора к лесу. Следом, по следам, с наслаждением вдыхая их аромат, взбрыкивая задними ногами от переполнявшего её веселия, бежала собака. Впрочем - недолго и недалеко. Без намерения нагнать, помериться силой или напугать. Ей было от и до радостно, а когда так, то нет нужды обижать кого-то, дабы плохо было не тебе одному.

Стеклярус снегопада, ровно такой же колкий, как и спи-
санный с него стеклянный, коим обшивают к новому году наряды детворе, веселил сумерки, бился фонтанами подле фонарей, вблизи незадёрнутых гардинами окон и раструбов режущего темноту света фар.

Вне всего того, мелкой пудрой он льнул к земле, что, хотя и натянула уже до подбородка белое холодное одеяло, но всё никак не могла согреться и дрожала, постукивая белыми же зубами, в такт дятлу, что, дабы не растерять за зиму навык, мастерил по привычке нечто гулкое и полое в очередной колонне ствола. Ветер много их наваял, похожих, без жалости обломавши кроны. Не из озорства, но для поддержки набрякшего облаками неба, что отчасти съехало книзу где-то у горизонта, так что не разобрать теперь - где верх, а где

и наоборот - испод округи.

Она же принюхивалась к сладкому запаху сгорающего в печах угля и терпкому духу осины, дегтярному берёзовых поленьев и мимолётному, щемящему стойкому послевкусию духа бересты. Усмехалась она и лозе, что надвинула кипу сугроба пониже бровей для тепла, на самые с поволокой глаза ягод, и глядит теперь томно, даже взглядывает, играя...

Едва ли не надорвавшись, принимая вызов лозы, кренился дуб и подражая дятлу, стучал негромко, внятно, как и он... А олень, что давеча столь вычурно казал свой испуг, стоит неподалёку, всего в нескольких прыжках от того места, где был застигнут прежде, и лишь прядёт ушами, не мешая тихой, степенной поступи зимы...

Бабочка

Бабочка в православии и христианстве - символ воскресения

Неким морозным январским днём в дверь не то постучались, не то поскреблись, и, хотя хозяева никого не ждали в гости, поспешили отворить, дабы не оставлять на холоде кого бы там ни было. Гостья, а это была девица, переведя дух, будто бы за нею гнались, кинулась к окошку - поглядеть, что там. Хозяева за нею следом, но сколь не силились, не увидели ничего, кроме затянутых облаками небес и леса в побелке сугробов. жизни после смерти и преображении души.

Гостья была мила, нежна, хотя и растрёпана. Чёрный ея, явно не по погоде сарафан казался будто слегка побит молью, а словно бы поистёртый шагами его подол был очевидно слишком уж тонок, едва ли не до прозрачности. Но, в общем и целом, эти обстоятельства не помешали облику гостьи оставаться привлекательным. Приятность наружности девицы дополнялся скромностью нрава. Уж чем только её не потчевали: и халвой заморской, и фруктами мягкими, и мёдом да медовухой, ото всего гостья отнекивалась с благодарностью.

– Разве что воды глоток... – будто бы молила о прощении она, и хозяева, сбившись с ног, предлагали ей разных вод,

среди которых были и мятная, и медовая, и ромашковая. – Мне бы простой... – шептала гостя, краснея от собственной дерзости,

К вечеру, когда хозяева попривыкли немного к причудам гостыи и ослабили хватку хлебосольства, порешив, что, коли будет голодна, попросит или возьмёт сама, бабочка, а это была именно она, расправила крылышки, лизнула-таки медку, запила водичкой и подобрал под себя лапки, как щенок, задремала, привалившись к кусочку на патоке халвы, от которого пахло летним полднем и немного поздно зацветшей яблоней.

Принесённая в дом вместе с охапкой дров, бабочка была устроена на подоконник - ну, не в огонь же её, бедолагу! - она отогрелась и запросилась выпустить её поскорее... Но там мороз, снег. А потому от теперь и до весны - для бабочки на окошке блюдце с островком мёда в окружении воды да почаще доброе слово, как идёшь мимо.

И словно бы в награду, взамен - от её порхания по дому среди зимы на сердце ласково, как он огонька лампы... И не зря то, не напрасно, а потому как иначе оно и не может быть.

Ухватив покрепче...

Ухватив стекло покрепче за грудки, божья коровка рассматривала пейзаж за окном. Скрип шагов мороза проникал сквозь вправленные в стены дома рамы не весь, оставляя за бортом несколько визгливое, сухое послевкусие, до комнат доносились одни лишь басы, которые заявляли было о себе, но скоро стушевавшись, падали к ногам печи. Божья коровка даже на оглядывалась к ним, безнадежно поверженным. Жучку было не до того, ибо он не переставая изумлялся недалёковидности птичьего сообщества, которые пиروвали в полном молчании, устроившись кто где за накрытыми столами виноградника.

– Что бы им было не попроситься в дом? – сокрушалась божья коровка. – Неужто бы отказали? Я вот попросилась, так прямо без лишних слов - под белы рученьки и в покои. Там накормили, показали, где спать, во избежание неприятностей... Нет-нет, все домашние были только за, просто и самой бы не оплошать, не кинуться спросонок на пол, а там - один неловкий шаг и от тебя останется лишь тихий хруст вместо «Прости!»

Птицам было недосуг присматриваться. Мало ли кто глазеет, куда они набивают животы мороженым виноградом. Синицы, которое в прежнее время манерничали, сдирая с ягод кожицу и брезгливо сплёвывая наземь косточки, теперь

тоже оставили на время церемонии и глотали виноградины одну за одной, не надеясь на то, что хватит всем, до самой весны.

Но... напрасны те тревоги. Проницательные хозяева из хлебосольства не тронули гроздий с лозы, пожалели для себя, порешив, что им в тепле и на картошке куда как легче пережить холода, нежели пернатым, в засыпанном снегом, плотно застёгнутом на все пуговицы мороза лесу.

Ухватив стекло покрепче за грудки, божья коровка с рассвета присматривала за чинной трапезой птиц за окном. Кого тут только не было! Иных она знала в лицо, а тех поимённо, как того, седого с рождения дятла, из-под крыла которого выглядывало нательное исподнее, в полосочку, на манер тельняшки, но были и таковые, доселе невиданные, коих к жилью пригнал Зяба-пастух. К примеру, пищуху², мелкую, будто мышонок, птичку божья коровка увидела впервые в жизни. Да даже галку³, что вероятно, отбилась от своих, и не побрезговала угощением, и ту коровка сподобилась разглядеть в первый раз.

Солнечный зимний день в воздушной накидке с искрой невидимых глазу снежинок был донельзя хорош ...если глядеть на него из тепла, через окошко, со стороны, будто та божья коровка, что ухватила стекло покрепче за грудки.

Когда-нибудь...

Подсвеченный лунным светом заснеженный двор чудится собранным в ночь дорожным чемоданом, обтянутым выбеленной кожей питона. Та причуда - не от напрасного зверства, но от вмёрзших в снег следов колёс. По причине тесноты из-за нагромождения сугробов, телега с сеном путалась в колёсах день-деньской⁴, забивалась заподлицо вязким тяжёлым снегом, отчего не было никакой возможности вызвать повозку и наставит на истинный путь.

Вознице приходилось выдумывать способ избавиться от помехи, но ничего лучшего, чем терзать снег в колёсах кнутовищем, в ум так и не вошло. Задумал он было выпросить у хозяев кочергу, да сама⁵ не позволила, - не дело вещунью пророчицу, оберег домашнего очага с грязью дорожной мешивать. А то, что снег белёхонек, и до слякоти с распутицей ещё нескоро, до того ей и дела нет.

– Сказано - не дам, значит так тому и быть.

Но то забота прошлая, нет-нет, а к сумеркам как-то управились. Теперь уж луна сияет звездой во лбу неба, но заместо любоваться ею, терзаешься жалостью, ибо синюшный вокруг нея ореол - очевидность того, что в окружении сей сиятельной особы не всё так гладко, каково оно мерещится всякое не своё.

– И чего это ей там, в эмпиреях, не достаёт? Никакого ни

к чему касательства. Токмо взирает из ложи, не замарав рук. Обмахивается ветрами веера, когда снисходит поглядеть долу, а когда и побрезгает, отвернётся, воцарив тьму на и без того неясную округу.

– Да как же... Не может такого быть, чтобы ей вовсе всё равно, не совестно на бесчинства и непорядок. Даже самый от неё свет, и тот взят взаймы! Нешто не терзается?

– Кто её разберёт. Отсюда не увидеть.

– И то правда.

Подсвеченный луной двор плотно набит снегом, будто перина. Слежавшаяся комьями, не располагает она ко сну. Да и холодно спать на земле. Хотя в августе, хотя в январе, хотя после когда-нибудь.

После

Окликает филин полночь и та отзывается ему. Треском лопнувшего напополам ствола, не сдержавшего натиск и тяжесть сугроба. Скрипом затворяющейся деревянной калитки, будто бы повисшей на одной петле после бесчинств, что учинил ветер. Калитка не починена не по нерадению, просто слишком много у леса прочих, более важных занятий.

Какие могут быть у леса зимою дела? Спи себе под одеялом снега, береги силы для весеннего буйства. Ан нет! Там косулю провести к неубранному заброшенному саду, пробить тропку из чащи, дабы, ступая мелко, не плутали лесные козочки, не тратили понапрасну сил. Морозу и так неймётся, силится отобрать последние.

Шагают они мелко, пачкая бока о мел сугробов, оглядывают округу мельком. Очерченная словно мелом по лекалу от горизонта до горизонта, дабы содержать себя в привычном взору виде, не утерять обличья, не растеряться в виду грядущего половодья. Не выйти из берегов. Ибо, бывает - прилетят цапли на родное болото. а его уже и нет, Одни кочки, будто бородавчата поляна. А то напротив - взыскупя привычной сухой низины для гнезда, собьётся с крыл соловейка, - всюду, куда не глянь сырость, раздолье, но не для него.

А куда зима, и белое полотно наста, натянутое на пальцы поляны, треплет ветер, срезывая негодную вышивку вы-

бившейся прошлогодней травы. И пряный, от того, что мятный дух томится под тем покровом, пьянит заплутавший ненароком луч солнца, кой последним ускользает в закатный час, растревожив филина, которому вновь пора выкликать ночь, дабы уберечь округу от поступков, о которых она после будет горько сожалеть.

В оправе кроны

Голубой мрамор небес с прожилками кроны, сияющий снежной слюдой. Так бы и глядел на эту картину часами, сокрушаясь об своём неумении списать портрет с природы, передать её красу такой, каковая видится именно тебе. А куда любишься, невольно примериваешь тот образ на себя. Без досады об своём несовершенстве, но перенимаешь отчасти, что без мольбы и стенаний снисходит к тебе, само по себе.

Кажется - чего же проще: устремляй взор на красивое и будет тебе наградой чистота мыслей чрез сияние взгляда, а там уж, потеснив прочее, ничтожное и принижающее, откроются не имеющие предела просторы души.

Часто, помехой тому любованию, птицы встают промеж. И перехвативши взор будто карманным зеркалом, возвращают его душе, давая рассмотреть себя самого с высот стороны, что надзирает за тобой с рождения.

А то напротив - подсаживают, помогая взобраться повыше, так что кажется - ты та самая птица и есть, и паришь, словно в детстве, во сне, не опасаясь упасть. И, разлетавшись, забывшись отчасти, киваешь уже на обросшие перьями плечи, да пугаешься тут же мгновенной подмене. И делается всё будто вновь, а ты сам - внове, с должным вниманием к тому, что было дано, и каково оно, - быть человеком. За-

одно и вечное, незыблемое, мимолётное, с чем свыкся, что страшно, невысказано утратить, но всё одно - посеешь когда между прошлым и будущим, над которым будет сиять ровно такое же бездонное голубое небо, в оправе заснеженной кроны... На века.

Праздник жизни

Расцарапанное рассветом, израненное им январское небо откровенно хохотало, разбрызгивая слёзы солнечных лучей, из-за чего, дабы разглядеть получше - по какой причине то веселие, отчего радость, показалась ненадолго весна. Встала на цыпочки из-за коромысла солнцеворота, глядит на округу, улыбается, хотя и таится.

Впрочем, как был незаметен тот переполох, так незамеченный никем и остался. Да и весна на попятную вскоре, – скрылась тихонько туда, где ей и положено быть об эту пору.

Вновь сделалось грустно и пасмурно. Ни тебе алмазной огранки пригорка, ни диадем сугробов на кроне, ни жемчужных браслетов округ запястья ветвей. Так только – растаптывают стволы белые валенки сугробов, греют пуховыми белыми же снежными платками поясницу, дабы не застудиться.

– Пра-а-аздника... праздника хочется... – стенает тихонько сосна, оглядываясь по сторонам.

Кому, как не ей, ещё недавно ярко наряженной, знать, каково это - таять от кокетства огоньков, подыгрывать жеманству мишуры, прислушиваясь к постукиванию друг об дружку фужеров новогодних шаров...

Услыхал ветер тот плачь, дохнул нежно в лицо сосне, сдувая с неё снежную пыль:

– Не грусти... - прошептал он, и провожая взглядом блёст-

ки снежинок, принялся баюкать сосну, и прерываясь на дыхание, напевать нечто до слёз трогательное, без чего не бывает ни жизни, ни дня.

Всё будет хорошо...

– Динь-динь-день...

Он не лукавил, не тщился показать себя с лучшей стороны или представиться краше, чем есть на самом деле. Он просто обещал быть, тот день. Сбываясь, он сбивал себе локти и колени, но тянул ношу событий, как это делали до него многие другие - без оглядки на прошлое, без надежды на будущее. И едва сумерки принялись подводить итог, всё, что день смог им предъявить, можно было уместить в детской ладошке, что разжимается только во сне, роняя в складки простыни....

– Что?! Что же таилось там в том маленьком кулачке? Расстаявшая конфета? Камушек? Цветной мелок или перламутровая, похожая на снежок пуговица?

– Ничего из перечисленного. Там, замершая на стороны леска заледенелых от ледяного дождя ветвей. Ласка, что чёрной кошкой металась от сугроба к сугробу, в попытках избежать любопытных глаз. Натёртая воском наста поляна в напорном морёного дуба паркете листвы. А по её краям - будто бы корабельные снасти кроны леса, что скрипят под натиском ветра, да белки, кой мечутся обезьянками юнг по тем мачтам, как по несбыточным мечтам. Тут же в небе сверкает гранями Венера, что издали, сквозь пудру возДухов чудится будто в бриллиантовой пыли, но в самом деле не так хороша, как нарядна. По совести - она почти дурнушка, от которой

невозможно отвести взгляд, ибо непозволительно хороша в своей искренней наивности от уверенности в то, что «всё будет хорошо». И, всматриваясь в неё пристально, отчего-то верится, что это именно так.

– Динь-динь-день... – играет на колокольчиках сосуллек ветер. И нет слаще той музыки для совершенно обыкновенного зимнего дня.

Побег

Бьётся крона о крону заледенелыми ветками. Кажется, будто то перестук копыт, заплутавшего в тумане облаков табуна, или лес, что застоялся на одном месте, вздумал сбежать куда подальше.

– К-куда?! Стоять!!! – но лес не шутил, он и взаправду собрался покинуть округу, идти, куда глядят глаза. Увязший едва ли не по колено в снегу, лес желал вырваться из кокона сугробов. Оборачивание в холодные простыни – то для тех, чья душа в откровенном смятении стремиться вырваться из плена себя самой, ибо причиняемые ей страдания сродни самобичеванию.

Тот, кому приходит охота мучить, в конце концов бывает утомлён и бросает, хотя ненадолго, своё бесчестное занятие. А принявшая епитимью мученичества душа, коли берётся изводить себя, то уж ни за что не остановится. В стремлении добиться недостижимого никогда совершенства, она истончает лезвие совести, сводя его на нет, но не как стальное орудие, что оставляет после себя загнутое наподобие кудрей тонкое жало, а вовсе, насовсем, когда внутреннее понимание добра и зла вырывается на простор вселенной, да судится после с собою, судит страшнее любого, самого жестокого судии.

И для чего те мытарства? Чтобы что? Чтобы зачем? По-

нять которое?!

Явственный перестук копыт оледенелой кроны леса и неслышные подскоки всегдашнего трио косуль, что чутки не токмо к испугу, но к неподдельным стенаниям. Сопереживая, глядят из-за ствола, следят за мукой, и не умея никак иначе помочь справится с нею, подходят тихо, встают рядом, дабы не была та ноша чересчур тяжела, чтобы не раздавила она, будто ледяным, беспечным и бесстрастным от того сугробом. Стоят молча рядом, сдувая выдохом с морды молочную пену снега.

– И.... больше ничего?

– А чего ж тебе ещё?!

Затих тот топот с небес, недвижима крона. Толь унялся, притомившись, ветер, то ли передумала округа бежать. Ибо - искони и доселе, ни один не сумел ещё покуда сбежать от самого себя.

Не отстать от жизни

На дворе последний январский день скребёт снег с при-ступкаб февраля, наводит порядок, прячет с глаз долой следы своего бытья, перед тем, как выйти и оставить округу наедине с последним месяцем зимы. Впрочем, метёт он метлой метели неряшливо, достаёт наглотаться снежной пыли всем и всякому. Оно и понятно, – безотцовщина. Меня-то мой родитель, научил мести в своё время, не абы как, а прижи-мая нижние веточки метлы от самой рукояти, так, чтобы не припудрить ненароком никого сором, даже ежели елозишь тою метлой почти у ног.

Забывшись, расстаралась метель, сравняла колею, при-подняла дорогу вровень с обочиной. Взглянешь - как есть равнина. Ни тебе овражка, ни пригорочка: от порога до куда ни кинь. Шаг ступишь - и выше колена, вязнешь в сугробе, будто в болоте.

Делать нечего, кроме как за древко и вперёд, лопатой махать, покуда не прихватило морозом то нагромождение до тверди каменной, не обременило оттепелью до тягости неподъёмной.

По первости эдакой заботе конца-краю не видать, а как приноровишься, вспомнишь прошлые подвиги, то вроде бы и ничего, полегче. Швыряешь снег налево-направо, раски-дываешься ломтями сугробов на стороны, на те, что побли-

же, дабы помеху с дороги убрать, и чем просторнее вокруг тебя, тем веселее, тем слаще та работа, которую за тебя больше и сделать некому. А уж как в раж взойдёшь, тут и за спину, и через голову, да ловко так, споро. Слышишь тяжесть падения за тобой снега, радуешься, что не дал маху, размахнувшись резко и нешироко.

Ну, а как взопреешь, дашь себе передышку, – воткнёшь штандартом лопату в сугроб и по чистому в дом, а там... Не барынька с рушником и чашей на подносе, но рыжий, в веснушках жук, что с осени постоялец, божья коровка, присядет на горячее плечо, пробежит понавдоль шеи к подбородку, – милое дело, и не захочешь, а улыбнёшься...

На дворе последний январский день. Он скребёт снег с подножки февраля, ну и ты туда же, чтобы, значит, от жизни не отстать...

Удовольствия

С высокого, не менее чем в полтора аршина сугроба, на-
двинутого плоским берегом на виноградник, мерно, хотя и
нечасто, осыпался снег. В безветрие то казалось довольно
странным. Метель, что по своему обыкновению сглаживала
углы, час назад как утомилась и не могла быть причиной то-
го беспокойства. Да и кашеварила она нельзя сказать, чтобы
очень долго. Так - посыпала крупы, посолила, подула, сдувая
пенку, да и бросила.

Не желая покуда выбираться из тепла, разгрести снег у
дома, я кинулся к окнам - понять причину сего трясения, что
избавляло лозу от излишков и тягот того тесного ей снежно-
го картуза. Приглядевшись повнимательнее, на просвет рас-
тянутой канвы ветвей и кружев инея я заметил чьё-то блед-
ное пузо.

Сперва мне показалось, что то давнишний приятель лис
пришёл полакомиться ягодами. Но соразмерив занимаемое
им пространство с тем, что запечатлелось в памяти, порешил
что для лиса это было б слишком.

– Быть может, соседский пёс сызнава сорвался с цепи... –
наперебой предполагали домашние, прильнув к окнам.

Но едва зверь наклонился подобрать с земли упавшую
гроздь и стало возможно разглядеть обтянутые нежной зам-
шей рога...

– Олень!!! – едва ли не хором воскликнули домочадцы, ну и я заодно вместе с ними.

К счастью, крики не спугнули оленя. И он, опираясь передними ногами о забор, не перестал объедать виноград.

Ягоды олень ел не просто так, но делал это с чувством. Он откровенно лакомился, вкушал, и растягивая удовольствие, обхаживал веточки, кои обкусывал с неким озорством и кокетством, с оттяжкой, прежде стряхнув с них выдохом присыпку снега. Коричневыми, свернувшимися в долму листочками не манкировал. Впрочем, те тоже годились и так, и для перемены ощущений.

Временами олень жмурился и мотал головой, словно от удовольствия, без коего не может обойтись ни один уважающий себя гурман, понимающий толк и в блюдах, и в сервировке.

На ту манерную донельзя трапезу, да стоя у прохладного окошка жарко натопленной комнаты, можно было бы смотреть не то до обеда, но до сумерек, и вероятно так бы оно и было, коли бы не соседский пёс, которому наскучило взирать из нетопленной будки на статного, жвачного парнокопытного млекопитающего, кой, сам не ведая того, вызывал зависть своею статью.

В лёгком облаке аромата леса, навоза и слегка влажного меха, тонконогий, сильный и стройный, с ветвистыми рогами и коротким хвостом, он в любую минуту и всего лишь в два прыжка мог настигнуть лесную чащу, что издавна под-

биралась к жилью. Не то дворовый пёс, что сидел на короткой цепи больше для острастки проходящих, а не для собственного удовольствия, которого у него не водилось никогда прежде, так отчего ж ему было случиться теперь.

Когда-нибудь...

Продрогла что-то земля. Занемогла не инфлюэнцей, зимой. Обуяла её хандра, обметало губы луж лихорадкой снега, пошли они трещинами льда. Уткнула земля холодный нос в меховой, барашковый воротник пригорка и дремлет в ожидании, покуда изволит навестить, вспомнит об ней весна. А уж как заявится - поменяет стылые белые жёсткие глаженные простыни на мягкие, мятые и весёлые, в цветочек, согрет чаю, откроет форточку, впустит свежего мятного воздуха, насвистает по-птичьи, разбередив воспоминания детства, когда точно также свистел из оперетты отец. Не столько для забавы, но просто – в хорошую минуту, запас коих во младости пополняется ощущением безразмерности бытия и без какого-либо счёту отпущенного тебе времени.

Стенания о минувшем напрасны, упование на будущее пусты. Каждый новый день, несвёрстаный ещё, намётан прошлым, а от того уже несвеж. Встряхнуть его, смахнуть загодя заготовленную пыль, заставить почувствовать себя не испорченным покуда сожалением и не похожим на прочие - вот оно, истинное, подспудное и невысказанное намерение проживающих новый день

Солнце ли жжёт деревяшку ночи сквозь лупу полной луны или напротив - луна тот самый след горячности светила, – разница невелика, ибо и глядеть-то на неё теперь весело,

и округа вся, как на ладони, с тенями тропинок и ровными полосами дорог, что ведут в истерзанное сомнениями, полное пустых надежд «когда-нибудь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.